

II. ПРОСВЕЩЕНИЕ

1

Татаро-монгольское нашествие тяжело отразилось на всей книжной образованности древней Руси.

Древнейшие очаги русской письменности гибли не только в Батыеву рать, но и под ударами отдельных набегов татар, сметавших с лица земли города и сёла, а вместе с ними и ценнейшие книжные собрания, накопленные за несколько веков существования русской книжности.

В тяжёлые годы злой татарщины русские люди прятали книги в каменных церквах, где они могли надёжнее всего уберечься от пожаров и грабежей. В 1382 г. при известии о приближении Тахтамыша жители Москвы и окрестных сёл снесли, по словам летописца, в соборные церкви «толико множество» книг, что груды их лежали до самых стропил. Но каменные стены не спасли книг: их дочиста уничтожили вторгшиеся татары.

Лишь Новгород и Псков, куда не докатился опустошительный вал монголо-татарского нашествия, сохранили свою книжность и впоследствии в течение многих веков до самого XVIII в. снабжали русские города древнейшими рукописями. И сейчас ещё большинство рукописей домонгольской эпохи, хранящихся в наших крупнейших библиотеках, — новгородские или псковские по своему происхождению. Именно такой (новгородской или псковской) была и рукопись величайшего литературного произведения древней Руси — Слова о полку Игореве, — погибшая затем в московском пожаре 1812 г.

Губительные последствия чужеземного ига сказались не только на сохранности книжных богатств: резко падала и сама грамотность. Это заметно по тому, как умень-

шается в XIII в. число образованных писателей, как беднеет и сужается летописное дело, как мало сохранилось от этого времени выдающихся литературных произведений. Лишь во второй половине XIV в., когда русские города постепенно оправляются от ударов кочевых орд, начинается необычайно быстрый рост русской образованности.

Во второй половине XIV в. в Константинополе и на Афоне существовали целые колонии русских, живших в монастырях и занимавшихся списыванием книг, переводами, сличениями русских богослужебных книг с греческими и т. д. Сохранился ряд рукописей, выполненных русскими книжниками в монастырях Афона и Константинополя. С другой стороны, греки, болгары и сербы посещают Новгород, Москву и другие русские города. Среди учёных выходцев из южнославянских стран и из Византии приезжают и такие выдающиеся писатели, как митрополит Киприан (повидимому, болгарин), Григорий Цамблак (болгарин), Пахомий Логофет (серб). Последний и первый сыграли выдающуюся роль в развитии русской литературы.

Южнославянские рукописи и переводы наводняют русские монастырские библиотеки и распространяют мысли и настроения византийского предвозрождения. Одновременно русские книжники усиленно трудятся над возрождением собственной русской книжности, переписывают сочинения, созданные ещё до татаро-монгольского завоевания. Вот почему именно в это время сказывается влияние многих произведений XI—XII вв.: Повести временных лет, Слова о полку Игореве, Киево-Печерского Патерика, Слова о законе Илариона и др.

Возрождение русской образованности идёт настолько быстро, что она начинает оказывать влияние и на образованность южнославянских стран. Монах Хиландарского монастыря, серб Доментиан, подражает русскому писателю начала XI в. митрополиту Илариону, а Константин Костенческий в своём сочинении о правописании называет русский язык «красивейшим и тончайшим» и сообразует с ним свои правила орфографии.

Среди книжных центров Руси, кроме уже упомянутых Новгорода и Пскова, особенное значение в конце XIV в. приобретают Тверь, Ростов и Суздальское княжество, в котором как крупный книжник выдвигается епископ Дионисий, удостоившийся особой похвалы летописи, при-

знавшей в нём «мужа премудра, разумна, промышленна же и рассудна». Во время своего пребывания в Константинополе Дионисий удивил своими знаниями даже учёных греков, подвергших его экзамену по богословию и каноническому праву. По инициативе Дионисия была составлена в Нижнем-Новгороде знаменитая Лаврентьевская летопись — ценнейший памятник русского летописания.

Дионисий не был одинок в Нижнем. Кроме работавшего под его руководством монаха-летописца Лаврентия можно указать книжника Дорофея и друга Дионисия — Павла Высоцкого, о котором летопись сообщает, что он «книжен бысть вельми и философ велий, и молчание и безмолвие имяше много, егда же беседы время бываше ему много-рассуден и полезен зело». Этот Павел проживал в Нижегородском монастыре и вёл там нечто вроде лекций.

Рано становится крупным центром книжности и молодая Москва. Выдающимся образованием отличался митрополит Алексей — по происхождению москвич. Его переводы с греческого отличаются замечательной точностью. Уже Иван Калита был весьма сведущ в книгах; но впоследствии степень книжного образования московских великих князей весьма резко колебалась.

В Москве ведётся огромная историческая работа, здесь создаются первые широко организованные государственные архивы, трудятся переводчики, составляются обширные библиотеки, как, например, библиотека Чудова монастыря в Кремле. Свои библиотеки имели бояре и купцы. В начале XVI в. славилась своими книжными богатствами библиотека великого князя, заключавшая в себе редчайшие латинские и греческие сочинения, частью неизвестные на Западе. Эта библиотека вызывала удивление бывавших в Москве иностранцев. По словам пастора Веттермана, она состояла из еврейских, греческих и латинских книг и хранилась подле княжеских покоев под двумя каменными сводами. Максим Грек, долго живший в Италии, лично знакомый со многими учёными гуманистами и знавший центры европейской книжности, увидев библиотеку Василия III, воскликнул: «Государь! вся Греция не имеет такого богатства, ни Италия, где католический фанатизм обратил в пепел многие творения наших богословов, спасённые моими единовверцами от варваров магометовых». В великокняжеской библиотеке хранилось до 800 древнейших рукописей. Здесь были в подлинниках сочинения Тита Ливия, Цицерона, Светония, Юлия Цезаря, Саллюстия,

Полибия, комедии Аристофана, сатиры Сира, своды законов римских и византийских и мн. др.

В XV и XVI вв. тысячи писцов занимались в стране переписыванием книг. «Нет, кажется, ни одного народа, который столь много занимался и трудился бы над переписыванием, как русские», — писал посетивший впоследствии Москву академик Коль.

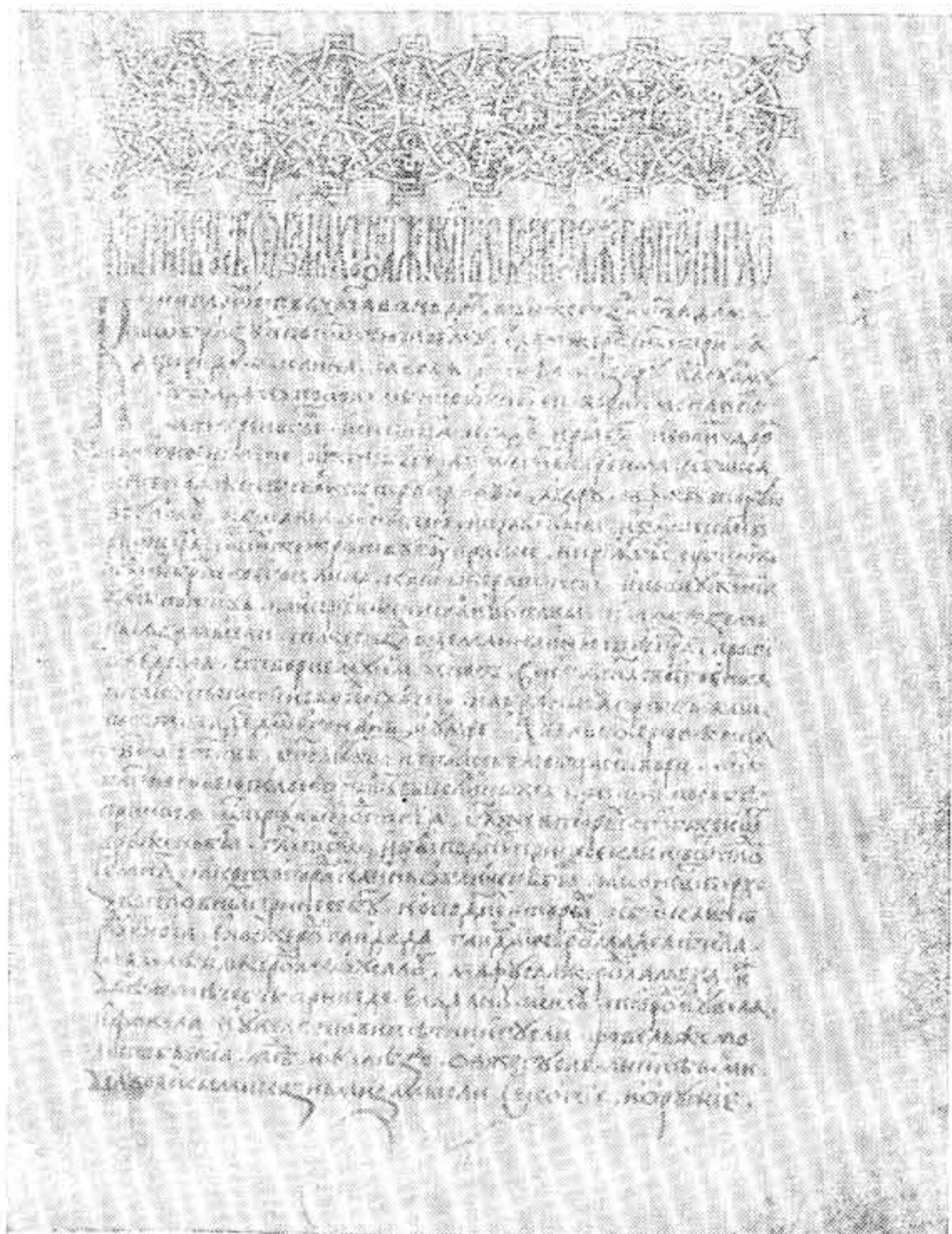
Выдающимися центрами книжности были монастыри, число которых на Севере чрезвычайно увеличивается в XV в. Первые основатели этих монастырей — Сергей Радонежский, Стефан Пермский, Кирилл Белозерский, Иосиф Волоцкий, Мартиниан Белозерский, Кирилл Комельский сами занимались списыванием книг и ставили это занятие в обязанность своим ученикам. Многие из этих книжников отмечаются летописью. В сочинениях XV—XVI вв. нередко можно встретить специальные статьи о пользе чтения книг.

Монастырское образование не было только религиозным. Наряду с церковнослужебными книгами и богословскими сочинениями летописи были обычной книгой в монастырях. Крупные монастыри, как, например, Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский, вели собственные летописные записи. Авторы житий, монахи, в своих посланиях, епископы, игумены нередко ссылаются на летописцев. Зиновий Отенский был знаком с хронографами, т. е. с особыми сочинениями по всемирной истории, а в Кирилловом монастыре усердно читали знаменитого византийского историка Георгия Амартола.

Усиленно растёт в XV и XVI вв. грамотность широких масс населения. По подсчётам подписей на документах полагают, что в начале XVI в. процент грамотных среди землевладельцев Дальнего Севера превышал 80; между помещиками Московской области был выше 65, а среди посадских достигал 25—40. Широко распространена была грамотность среди купечества посада: тверской купец Афанасий Никитин, отправляясь на Восток, не только захватил с собою книги, но вёл в пути записи, которые по его возвращении были включены в летопись.

Особым уважением пользовалось в древней Руси знание иностранных языков. В конце XV — начале XVI в. кроме переводов с греческого и южнославянских языков появляются переводы с латинского, польского, немецкого. Переводятся лечебники, космографии, хроники, сочинения по астрологии, которые, как видно из полемики Максима

Грека, были весьма распространены. Неоднократно занимается переводами московский дипломатический деятель

Рукопись Временника Георгия Амартола (XV в.)

Дмитрий Герасимов (в частности, он перевёл латинскую грамматику). Дьяк или один из сопровождавших его лиц

при посольстве в Венгрию сделал перевод с немецкого языка повести о воеводе Дракуле. Многие монахи Троице-Сергиева монастыря хорошо знали греческий язык. Герасимов изучал в Ливонии латинский и немецкий языки. Знали языки Ф. Курицын, А. Власьев, князь Д. Щербатов. Не только знание латинского, немецкого и польского языков было распространено среди московских дипломатов. Московских толмачей обучали в конце XVI в. и шведскому языку. В переговорах с поляками и татарами московские бояре неоднократно указывали на их хроники и обнаруживали знакомство с генеалогией иноземных государей.

В конце XV — начале XVI в. известно много образованных и любознательных русских людей: воевода В. М. Тучков, князь Ив. Токмаков, И. Д. Сабуров, князь П. И. Шуйский, боярин Ф. И. Карпов «многим разумом украшенный», боярин Берсень-Беклемишев, В. Патрикеев, Иосиф Волоцкий, Мисюрь-Мунехин, Д. Герасимов и многие другие.

Русские книжники были знакомы с античными писателями и философами по пересказам и средневековым переработкам. Воевода В. М. Тучков в биографии Михаила Клопского писал: «Слышал я некогда, как читали книгу о пленении Трои. В этой книге сплетены многие похвалы еллинам от Гомера и Овидия. Только одной воинственной храбрости обязаны они такой похвалой, что память о них не изгладилась в течение многих лет». Автор «Слова о жизни и преставлении Дмитрия Ивановича» (Донского) знает Пифагора и Платона. Архиепископ Вассиан Ростовский (Рыло) и новгородский архиепископ Пимен ссылаются в своих сочинениях на Демокрита. Максим Грек, учившийся в Италии и лично знакомый со знаменитым гуманистом типографом Альдом Мануцием, упоминает в своих сочинениях Гомера, Гезиода, Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура, Диагора, Фукидида, Плутарха, Менаандра. Вассиан Патрикеев в своих работах ссылался на Гомера, Аристотеля, Платона, Александра и Филиппа Македонских. В своеобразной нравственной энциклопедии русского средневековья, пользовавшейся чрезвычайным распространением в XIV—XVI вв. — так называемой «Пчеле», — встречаются изречения и отрывки из Плутарха, Филона, Исократа, Демокрита, Мосха, Диогена, Менаандра, Эпихарма, Геродота, Эврипида, Пифагора, Демосфена, Сократа, Ксенофонта, Гиперида, Аристотеля, Дио-

дора, Эпиктета, Платона, Катона, Эпикура, Лукиана, Либания, Питтака, Виаса.

В миниатюрах Углицкой псалтыри 1485 г. встречаются аллегорические изображения Нептуна, Аполлона, Дианы, а на стенах и на вратах Успенского и Благовещенского соборов в Московском Кремле были изображены Гомер, Платон, Фукидид, Диоген, Аристотель со свитками в руках, на которых были написаны их изречения. Конечно, все эти античные деятели, писатели, боги были знакомы русским весьма поверхностно, но самое обилие упоминаемых имён говорит о том властном, очаровывающем влиянии, которое оказывала античность на русских книжников.

2

Обучение грамоте начиналось в древней Руси с 7 лет. Обычай этот отмечен в житиях Петра, Евфросинии, Иосафа Каменского, Иосифа Волоцкого и многих других русских святых.

Сведения о школах XV—XVI вв. чрезвычайно скудны. Одно из важнейших сохранилось в постановлениях Стоглавого Собора 1553 г. Жалуясь на упадок образования, редакторы Стоглава писали: «А прежде этого училища бывали в Российском царстве на Москве и в Великом Новгороде, и по иным городам многие грамоте, писать и петь и читать учили: потому тогда и грамоте гораздых было много; писцы и певцы, и чтецы славились по всей земле, славятся и до сих пор».

Уже в ярлыке хана Узбека (1313) упоминаются «книжники», «уставодержальники» и «учительные людские повестники», т. е. учителя. Митрополит Пётр около того же времени советует без устали упражнять детей в чтении книг и в другом учении. Книжные училища для детей упоминаются во многих житиях русских святых XIV—XVI вв. Как видно из жития новгородского архиепископа Ионы, училище, в котором он учился в детстве в Новгороде, отличалось многолюдством. Училища были не только в городах. Были школы и в таких удалённых от городов монастырях, как Кирилло-Белозерский. Училища бывали в XV в. и в деревнях, иногда весьма захолустных. Александр Свирский научился грамоте в училище родной деревни в Обонежье. Зосима Соловецкий также учился в деревне в Обонежье. Антоний Сийский учился в селе

около Белого моря. Мартиниан Белозерский учился в деревне «близь» Кириллова монастыря и т. д.

В житии Сергия Радонежского говорится об учителе, который учил его с братьями и других детей. В миниатюре к его «лицевому», т. е. иллюстрированному, житию изображена комната. В ней на лавке сидят рядом 5 учеников с книгами, сзади них помещаются ещё трое, налево от них ещё двое. На правой стороне учитель объясняет урок самому Сергию. Всего, следовательно, изображено 11 детей.

В древнерусских школах XIV—XVI вв. производилось, по видимому, по большей части лишь начальное обучение: учили чтению, письму, читали часослов, псалтырь, апостола «и прочие божественные книги». Большое значение придавалось пению, обучение которому всегда упоминается рядом с обучением чтению и письму. Возможно, производилось обучение счёту.

В XVI в. в некоторых школах стала проходиться «книга философская», содержащая грамматику и некоторые основания «свободным хитростям». Дальше этого организованное обучение обычно не шло. Всё остальное образование книжники получали не в школах, а в общении со знающими людьми или в личных занятиях над книгами.

Такой порядок обучения обеспечивал широкое распространение грамотности, которая была не ниже, а порой и выше, чем на Западе; однако высокое гуманистическое образование составляло на Руси редкость. Необходимо при этом отметить, что жалобы новгородского архиепископа Геннадия на невежество духовенства, которые обычно приводятся для характеристики русского просвещения на рубеже XV и XVI вв., относятся только к Новгороду, где существовал особый порядок поставления попов по выбору — часто из мирян, не прошедших специального обучения.

3

Конец XIV и XV в. характеризуются постепенным накоплением эмпирических знаний. Всё больше отходят в прошлое языческие верования, анимистические представления — по крайней мере, в высших классах общества. Уже меньше пугают затмения, кометы, грозы. Уже не тревожит воображение выловленный в реке труп урода или падение метеоритов.

Разительные успехи, сделанные русскими в наблюдении и объяснении различных явлений природы, особенно ясны, если сравнить два описания морового поветрия: одно, сделанное в 1092 г., и другое — в 1364 г. Под 1092 г. описание морового поветрия в Полоцке целиком проникнуто примитивными религиозными представлениями язычества. Летописец передаёт, что духи умерших невидимые скакали на лошадях по улицам города и поражали язвою тех, кто выходил из домов. От этой язвы и умирали люди. Совсем иной конкретно-эмпирический характер имеет точное описание симптомов чумы под 1364 г.: «а болеть была такова: прежде (прежде) как рогатиною ударит за лопатку или противу сердца под груди, или промежи крил (т. е. между лопаток) и разболиться человек и начнет кровию хракати (харкать) и огонь разбьет и (его), посем пот, потом дрожь иметь и тако в болести полежав овии (некоторые) день еден (один) поболевше умираху, а друзии два дни, а инии 3 дни. Прежде же мор был, кровию храчюче мерли, потом же железю разболевшись, ти тако же, два дни или 3 дни полежавше, умираху, железа же одинако, но иному на шее, иному на стегне (бедре), овому же под скулою, иному же за лопаткою». Летописец подробно описывает дальше распространение чумы, как бы предугадывая правильное объяснение переноса инфекции.

Исключительною точностью и мастерством описания отличается рассказ летописи о болезни и смерти отца Ивана Грозного — Василия III (1534). Перед нами почти клиническое описание течения болезни с точной регистрацией всех её симптомов и хода лечения, завершающееся передачей отдельных физиологических деталей агонии.

В этом летописном повествовании нет и следа тех наивных народно-языческих представлений о болезни, которые приводили к магическим способам её «лечения»: заговорам, колдовству и т. д. Способы, которыми лечат Василия III, не заключают в себе ничего знахарского.

Насколько значительными и новыми были эти эмпирические наблюдения русской летописи даже сравнительно с Западной Европой, доказывает хотя бы тот факт, что ещё в 1331 г. рождение живых львят, а не мёртвых, как утверждали средневековые «физиологи» (сборники повествований о животных), вызвало несказанное удивление итальянского купца Джованни Виллани. По средневековым представлениям, львы рождаются мёртвыми и оживают

лишь на третий день, символизируя тем самым воскрешение Христа на третий день после погребения. «Я сам могу удостовериться, — заявляет Виллани, поражённый рождением живых львят у принадлежавших городской общине львов, — что вместе с другими гражданами видел, как они родились и тотчас же побежали и стали сосать свою мать».

Непосредственное наблюдение явлений природы живо ощущается и в других случаях.

В одном из сборников библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря находим ряд статей об отдельных явлениях природы. Статьи эти пытаются решить различные сложные вопросы эмпирическим путём наблюдения.

Одна из статей сборника описывает явления атмосферного электричества. Гром и молния происходят, по мнению автора, от столкновения туч, подобно тому, как «и кремень съразився с железом грохот испускает с огнем».

Между тем, ещё не так давно, в «Беседе трех святителей» молния и гром объяснялись так: «Ангел господень, летая по небу, бьет крыльями и гонит дьявола, отчего происходит шум. Когда идет дождь, в то время дьявол стоит, а когда блещет молния, то ангел смотрит с гневом на дьявола».

Объясняет кирилло-белозерский сборник и то, почему запаздывает звук грома сравнительно с молнией: «слышание» — «косно (т. е. инертное, малоподвижное) чувство есть». При этом в сборнике приведена правильная аналогия запаздыванию звука грома: когда дровосек сечёт дерево в отдалении, мы сперва видим удар топора, грохот же слышим только спустя некоторое время. Таким образом, приведённый в сборнике пример не только вводит в объяснение явлений природы правильное наблюдение, но и устанавливает всеобщность её законов: звук запаздывает не только при грохоте грома, но и при стуке топора: следовательно, «слышание же косно чувство есть».

Тот же кирилло-белозерский сборник предлагает своим читателям и другие статьи: «О широте и долготе земли», «О стаднях и поприщах», «О земном устройении», «О расстоянии между небом и землею», «Лунное течение» и др. Здесь нет уже представлений о земле — плоскости, как это было, например, в XI—XIII вв. Земля признаётся шаром, хотя попрежнему ставится в центр вселенной. По своему положению она подобна «желчи» (желтку) яйца, где белок — воздух, а «черепка» (скорлупа) — небо. Трезвым,

Деловым характером отличаются фактические цифровые сведения о расстояниях и величине объектов. Указываемые размеры солнца, луны хотя и далеки до действительных, но всё же очень значительны.

В обильной монашеской литературе, проникшей в XIV и XV вв. из Византии по вопросам исихии (молчальничества) встречались сложные психологические наблюдения, посвящённые разбору таких явлений, как восприятие, внимание, разум, чувство и т. д. Трактаты эти различали три вида внимания, три вида разума, учили о различных видах человеческих чувств, обсуждали вопросы свободы воли и давали тонкий самоанализ. Русский автор Нил Сорский различает пять периодов развития страсти: «прилог», «сочетание», «сложение», «пленение» и собственно «страсть» и даёт каждому из этих периодов подробную характеристику, основанную в значительной мере на конкретном наблюдении.

Сложная специальная терминология свидетельствует о развитии математических знаний в XV—XVI вв. Эта терминология была двойной — одна употреблялась в практической области торговых и всяческих иных вычислений, а другая была теоретической. Так, например, в практической терминологии «тьмой» назывались десятки тысяч, в теоретической же «тьма» означала миллион; за миллионом следовал «легион», за ним легион легионов — «леодр»; леодр леодров — «ворон»: математическая терминология простиралась до единиц 49 разряда.

Такая же специальная терминология существовала и в области основных арифметических действий: сумма — «исподний большой перечень», слагаемые — «перечни», разность — «остатки», уменьшаемые — «заемный перечень», вычитаемое — «платежный перечень», делимое — «большой перечень», делитель — «деловой перечень», частное — «жеребеный перечень», остаток — «остаточные доли».

Как видно из терминологии, арифметические знания древней Руси выросли на основе практических потребностей торговли. Такое же практическое назначение имела и геометрия, развивавшаяся в тесной связи с землемерным искусством: приёмы исчисления площадей квадрата, параллелограмма, трапеции, треугольника и т. д. Каждый из этих приёмов отличался наглядностью и сводился обычно при измерении площади сложных фигур к построению равновеликой площади прямоугольника — способ,

находящий себе аналогию не в западноевропейских методах начертательной геометрии, а на Востоке.

Этот практический характер чрезвычайно типичен и для естественно-научных сведений на Руси XV—XVI вв. Под влиянием практических потребностей производства возникает интерес к химии красок и чернил, появляются пачатки медицины, анатомии, физиологии, лекарственной ботаники.

Сложные динамические задачи возникали в связи с быстрым развитием артиллерии, впервые упоминаемой очень рано — ещё под 1382 г., и достигшей высокого уровня к концу XV в. Только наличием сложных наблюдений может быть объяснено изобретение пушек, заряжавшихся не с дула, а с «казённой» части и обладавших выдающимися динамическими качествами. На Западе этот вид орудий был изобретён значительно позднее.

Глубоких естественно-научных и математических знаний требовало церковное и крепостное зодчество. Трудно предполагать отсутствие теоретических расчётов при строительстве огромных каменных сооружений конца XV—XVI вв., как, например, церковь Вознесения в селе Коломенском 1532 г. Чтобы сохранить равновесие постройки под давлением огромных каменных масс церкви, строители должны были точно рассчитать толщину стен. По словам исследователя русской архитектуры М. Красовского, «даже современные зодчие, во всеоружии тайн строительной механики, не рискнули бы сделать эти стены более тонкими, раз только осталась бы та огромная высота храма,¹ над которой, однако, не задумался зодчий XVI века».²

Примером точного знания русскими строителями условий равновесия архитектурных сооружений может служить сложная работа по обновлению «сдвинувшихся» сводов обгоревшей во время пожара церкви Вознесения в Москве, произведённая мастером В. Д. Ермолиным в 1467 г. (ещё до прибытия в Москву итальянских мастеров). Ермолин с товарищами «церкви не разбираша всеа; но из надворья горелой камень весь обломаша, и своды двигавшаася разбираша, и оделаша еа около всю новым камнем да кирпичем ожиганым, и своды сведоша, и всю съвершиша, яко дивитися всем необычайному делу сему».

¹ Церковь Вознесения имеет более 60 м. в высоту.

² М. Красовский, Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества, М. 1911, стр. 110.

Таким образом, буря, пронёсшаяся с Востока, затормозила поступательное движение русского просвещения. Однако с XIV в. просвещение начинает вновь быстро развиваться.

Исключительно высокого уровня достигают грамотность, книжность, письменность, эмпирическое наблюдение природы. Практические заботы и в области политики, и в области военной организации, и в архитектуре, и в ремёслах, и в экономике привели к интенсивному накоплению эмпирических знаний, росту опыта, практических навыков. Но умозрительное начало и теоретическая мысль не получили в русской жизни решительного преобладания.

Все силы русского народа были собраны для разрешения практических, насущных задач создания русского национального государства. Этот величественный труд властно подчинил себе все духовные силы русского народа.
